

ДОЩЕТЫ "ЦИРКА ОЛИМП"

АЛЕКСАНДР ОЖИГАНОВ

ВЗГЛЯД СВОБОДНОГО ХУДОЖНИКА

№27 1997

...увидеть собственное зрение.
М.Айзенберг

III. Живая вода

1
"В тягость роскошь мне твоя, о бессмысленная вечность! - задолго до Хайдеггера воскликнул Баратынский, русский Гамлет. "С бездействием любезен мне союз", - откровенно признавался он же, предвосхищая утверждение знаменитого немца, что только "средоточенное промедление" перед действиями, всякого рода задержки и уклонения дают мне возможность быть - быть самим собой. Брутальный Омлет из хроники напролом - по трупам - рвется к власти. Тридцатилетний толстяк - Гамлет Шекспира - шныряет по сцене в обтягивающем ляжки трико: никто в ничто. Кто из них подлинный?.. "Худосочный мальчик с розовой проплешиной на затылке ищет подтверждения своего существования в нелепых газетах, журнальчиках и разговорах... Я, я, я, я, я? Я!.." (Сергей Лейбград, "Бессонница"). "Ц.-"О." N 25) "Михаил Айзенберг... дрожащей рукой стирает холодный пот со своего рельефного благородного лба. Ф-фу... Слава Богу, что концептуалисты уже сделали свое великое грязное дело. И освободили его от крайних, но необходимых поступков. Поступки не его дело, если совесть позволяет. Его дело - переживание. Он переживает время..." (Там же) То есть "скучает" по Хайдеггеру: пустое протекание времени, времяри - переживать его и значит скучать, хоть это не скука слоняющегося бездельника, а одно из основных настроений, которым "должно отдаваться мышление", скука, близкая горюгасии, ужасу пустоты. И стоит открыть книгу Айзенberга "Указатель имен", чтобы как будто удостовериться в правоте редактора "Цирка "Олимп":

- Что я делал все время?

Я изживал свое время.

Я измышляя свою душу, чтобы скорее, скопре

грела как батарея, непонятную стужу выталкивала наружу.

Слышно, как пульсируют и дергаются секунды. И хотя само слово "ужас" отсутствует, но он, этот ужас, в самой пульсации, в этом "скорее, скорее", в рифме... Это еще очевиднее в строчках на обороте того же листа:

Это время тикает и стрекочет, на мышиной пробуется войне.

Все, что днем ушло и забылось, к ночи отыграет вновь на одной струне.

И как будто мне рукава зашили, навели поддельную хрипотцу. Лихорадка трогает сухожилья. Паутинка бегает по лицу.

Но со всей достоверностью можно сразу сказать: дрожащей рукой так не напишешь. И еще: каждое из этих стихотворений как раз и есть тот поступок, в котором отказывает Айзенбергу Лейбград, поступок, являющийся событием и для автора и для читателя и позволяющий всем нам надеяться на... событие. Парадокс в том, что как раз повседневность, обыденность, мышья беготня жизни трансцендентальна по отношению к нам, к каждому, где "каждый как другой, и никто не он сам" (Хайдеггер). Так ли пассивен Гамлет в сравнении с Омлетом? Так ли очевидно бытие меня, тебя, мира? И если "быть", то как - не так или сяк, но - быть?

Что нам дано?

Это как сказать, что нам дано...

Тезис Хайдеггера: мышление должно отдаваться ужасу... скуче... - приводит к разного рода недоразумениям и прежде всего к путанице между возможным, желаемым, должным и существующим. "Мне кажется" неведомы... - резко бросает Гамлет, и, приведя примеры лицедейства, заключает, - Вот способы ка-

заться, ибо это лишь действия, и их легко сыграть". Вспомним об армиях (в США, например, сорок миллионов поэтов!) "культурно невменяемых" (М.Айзенберг). Но позже, как будто противореча себе, Гамлет вдруг восклицает: Боже!Боже!

Каким ничтожным, плоским и тупым Мне КАЖЕТСЯ весь свет в своих стремленьях! О мерзости! Как невыполненный сад, Дай волю травам - зарастет бурьяном, С такой же безраздельностью весь мир Заполонили грубые начала...

...Мне так не по себе, что этот цветник мирозданья, земля, КАЖЕТСЯ мне бесплодно скалою,... а этот, видите ли, царственный свод , ...на мой взгляд, - просто напросто скопление вонючих и вредных паров." На самом деле никакого противоречия здесь нет, но время, бытие, искусство, реальность, личность и подлинность вступают у Гамлета, Баратынского и Айзенберга в особые отношения, высвечивая положения, отличные от тех, в которые нас пытаются "поставить" неизбежные розенкрэнцы и гильденштерны, с

заемся,- констатировал Розеншток-Хюсси. - В остальном мы - часть природы. Мысление, речь и литература и есть наша практическая деятельность". И особенно в ситуации, когда отсутствует ощущение, "что что-то происходит на самом деле, ...вся нереализованная напряженность, весь драматизм переносятся из жизни в пространство языка, ЯЗЫКОВОГО ДЕЙСТВИЯ. Любое разобщение этих областей (языка и действия) ощущается автором прежде всего как затрудненность или невозможность прямого художественного высказывания. А самой насущной его задачей становится выяснение того, означает ли это разобщение невозможность ЛЮБОГО высказывания...

Центральным становится вопрос о ПОДЛИННОСТИ удачи.

Точный определитель подлинности в искусстве, как известно, отсутствует" (М.Айзенберг).

И здесь мы ступаем на действительно зыбкую почву, где вопросы Сергея Лейбграда отчасти утрачивают свою риторичность и при желании их можно продолжить: может быть, подлинность "вообще такая жалкая и неубедительная категория", как и женская красота?.. А "искренность", "честность", "порядочность", "гениальность", ... "поэзия"? - продолжает свой ряд Лейбград.

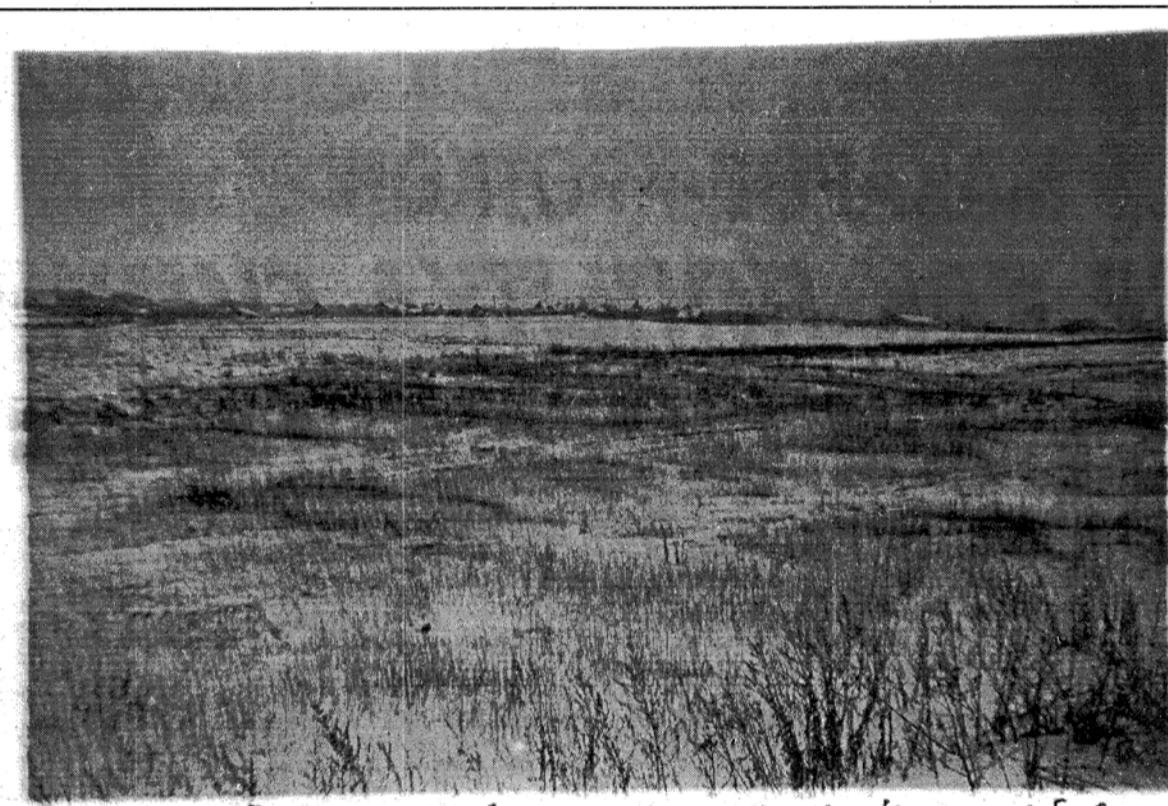
"В нем (в мире искусства - А.О.) что хорошо, то хорошо, - как-то бесхитростно, так сказать, по-некрасовски, настаивает Михаил Айзенберг. - Нужно только научиться слушать самого себя, как говорил Набоков - "читать позвоночником, а не чепром."

Конечно, такова почти вся "ведущая" - безголовая! - философия XX века от Бергсона и Хайдеггера по сегодня, считающая головной мозг каким-то вредным наростом на стволе позвоночника. Но, перефразируя Л.Я.Гинзбург, если не пониматься, то остается одно: опускаться. И пытаться мыслить полушибриями, лишенными, как известно, извилин". Однако стоит задуматься над тем фактом, - предлагает К.Хельд, - что именно Хайдеггер, феноменолог подлинности, стал жертвой заблуждения, принял движение, руководимое Гитлером, за нечто вроде всенародного исторического прорыва в подлинность политической экзистенции".

Загрывание с "интуицией", противопоставленной интеллекту, открывает в основе бездны (in Grunden den Abgrund) банальность: обыкновенный фашизм, и это на самом деле ужасно. И хотя у Набокова и Айзенберга с черепом, вернее, с его содергимым как раз все в порядке, но некоторые симптомы подлинности в искусстве, например, легкое запоминание стихотворных строк (Вс.Некрасов) или возникновение при чтении желания писать самому (М.Айзенберг) весьма неизвестны, и я, например, с еще большей легкостью, чем строки самого Вс.Некрасова запоминаю разного рода графоманские перлы и казусы, а чтение стихов М.Айзенберга отнюдь не подвигает меня к написанию собственных, наоборот: хочется тут же выбросить написанное до сих пор. А, казалось бы, риторические вопросы Некрасова ("был ли когда такой дурной "авантур", такой лом, вал, напор стихописания и набор, откровенное нагромождение красот и нагнетания строк, такой нехитрый расчет взять на горло?..") прямотаки требует от меня ответа: был. Например, у Маяковского. Стих которого, по Некрасову, "наиболее последовательно и основательно антипретензионен".

Так ли уж кощунственно и тщетно поверять гармонию алгеброй? И если "ценности незыблемая скала" оказалась далеко не столь уж незыблемой, то это не доказывает, что подлинности нет ни в чем, точнее, что только ничто и подлинно, а может быть, следует внимательнее присмотреться к самим основам философии ценности... "Но боюсь, что даже выяснив все термины, - сдержанно замечает Михаил Айзенберг, - мы не сойдемся полностью во мнениях. Это не значит, что истины нет. Она есть. Но, видимо, она не является собственностью ни одной из сторон. И в спорах не очень-то рождается... Ведь слово (любое слово) есть фигура умолчания, форму которой очерчивают другие слова".

"Живое и мертвое в искусстве как живая и мертвая вода, они не отличимы по всем показателям, кроме действия. Действие как раз противоположное" (М.Айзенберг).

5. 94 - 11. Игорь Савченко, 1994.

одинаковой легкостью "работающие" с любым текстом. "Не пилите воздух вот этак руками, - обращается Гамлет к актерам. - Как не возмущаться, когда здоровенный детина... рвет перед вами страсть в куски и клочья". И Баратынский заключает союз с "бездействием" именно потому, что не хочет "притворным испступлением обманывать ни юных дев, ни муз". А "поэт Михаил Айзенберг, - пишет Сергей Лейбград, - бежит от любой художественной позы. И от нехудожественной тоже. От любой... А кто ты такой, чтобы быть? Чтобы присутствовать? Чтобы влиять?.. "Конечно, любую позицию можно объявить позой. В которую, к тому же, тебя всегда "ставят", даже если ты сам ее принял (подставился). Но хотя я, может быть, разделяю стремление Бродского достичь выразительности метронома, именно ритм риторических выкладок Сергея Лейбграда смущает мой слух: "Вялость - вот она естественность. Бормотание как самоговорение. Событий нет, нет никаких событий. Слышиште!.. Боюсь, а что? Боюсь! Так что живите, как знаете". Если это попытка "адекватного описания" (Айзенберг), то она, по моему, не удалась: хотя то, о чем пишет Айзенберг, отчасти относится и к его собственной поэтической речи ("...неразборчивое, сдавленно-глуховатое, то ли бормотание, то ли заговоривание"), но монолог Лейбграда скорее напоминает мне Маяковского ("Слышиште! Крик тысячедневных мук! Душа немая не может идти, а сказать кому?.."). И разумеется, в естественных интонациях Айзенберга нет никакой вляости. А тот, кто прочтет книгу "Взгляд на свободного художника", убедится, что ее автор никак не может считать дело концептуалистов "грязным". Еще непредставимое в его устах фраза, как бы бросаемая всем нам: "Так что живите, как знаете..." Хотя бы уже потому что, если у нас существует хоть несколько демократов, кроме дермо-, то Айзенберг - один из них.

2
Краткий путь - не прямой ("поэзия - прямой путь" - М.Айзенберг), а путь этих заметок не только чересчур краток, но и окончен. Околичен. Окологности восприятия... Но, как пелось в одной старой песне, "настоящие герои всегда идут в обход!"
"Реальная деятельность человека заключается либо в мифотворчестве, либо в раскрытии истины. Чем мы и зани-